

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 316 - 325.

I

Несколько лет тому назад я проводил летние месяцы на даче, вдали от пыльного, душного, наполненного суетой и грохотом города, в тихой деревушке, затерявшейся среди густого соснового леса, верстах в восьми от станции железной дороги. Туда только что начинали в то время показываться первые пионеры будущей дачной колонии, которая теперь совершенно заполнила это милое, уютное местечко франтовскими дачными костюмами, сплетнями, любительскими спектаклями, подсолнечной шелухой, фортепианными экзерсисами и флиртом. Теперь уже там нет ни прежней дешевизны, ни прежней тишины, ни пленительной простоты нравов.

Прежде, бывало, встанешь рано утром вместе с восходом солнца, когда росистая трава еще белеет, а из леса с его высокими, голыми, красными стволами особенно сильно доносится крепкий смолистый аромат. Не умываясь, накинув только поверх белья старое пальтишко, бежишь к реке, на ходу быстро раздеваясь и с размаху бухаешься в студеноую, розовую от зари, еще подернутую легким паром, гладкую, как зеркало, водяную поверхность, к великому ужасу целого утиногo семейства, которое с тревожным кряканьем и плеском поспешно расплывается в разные стороны из прибрежного тростника. Выкупаешься и, дрожа от холода, с чувством здоровья и свежести во всем теле, спешишь к чаю, накрытому в густо заросшем палисаднике в тени сиреневых кустов, образующих над столом душистую зеленую беседку. На столе вокруг блестящего самовара расставлены: молочник с густыми желтыми сливками, большой ломоть свежего деревенского хлеба, кусок теплого, только что вырезанного сотового меда на листе лопуха, тарелка крупной, покрытой сизоватым налетом малины. Около самовара хлопочет хозяйская дочка Ганнуся -- черноглазая крепкая деревенская девочка, задорная и лукавая. И как радостно, как молодо звучит в утреннем чистом воздухе ее веселое приветствие: "Здоровеньки булы с середиоу, панычу!"

Целый день бродишь с ружьем и собакой по окрестным лесам и болотцам, ловишь с белоголовыми ребятишками у берега раков, тянешь с рыбаками невод и варишь с ними поздней ночью уху или сидишь с удочкой, закрывши от солнца голову соломенным брылем с полями в поларшина шириною, и следишь пристально за поплавком, едва видным в расплавленном и дрожащем серебре реки. Домой возвращаешься усталый, перепачканный с ног до головы, но бодрый и веселый, с чудовищным аппетитом.

А поздним вечером, после того, когда возвратится в деревню стадо, пыля, и толпясь, и наполняя воздух запахом парного молока и травы, какое наслаждение сидеть у ворот и слушать и смотреть, как постепенно стихает мирная сельская жизнь!.. Все реже, тише и отдаленнее раздаются: то скрип колес, то нежная малорусская песня, то звонкое лошадиное ржанье, то возня и последнее щебетанье засыпающих птиц, то, наконец, те неведомые, загадочные, прекрасные аккорды ночной гармонии, которую каждый слышал и которую никто не мог ни понять, ни описать... Огни гаснут, в темно-синем небе загораются и дрожат ясные серебряные звезды... Сладкие, но неясные мечты, дорогие воспоминания теснятся в голове. Чувствуешь себя молодым, добрым и хорошим, чувствуешь, как стряхивается с тебя накипевшая за зиму городская скука, городское озлобление, все городские недомогания...

Теперь нет уже в моем мирном приюте ни неподдельного молока, ни масла без маргарина, ни чарующих буколических картин. В лесу прибиты роковые дощечки, запрещающие охоту и собирание грибов и ягод, по дорогам мчатся, согнувшись в три погибели, длинноногие велосипедисты, на реке толкуются декольтированные спортсмены в полосатых фуфайках, а хозяйские дочери носят нитяные перчатки и давно уже переняли от интендантских писарей известный жестокий романс про "собачку верную -- Фингала".

II